

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ «ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО» СОЗНАНИЯ

О. Н. Мигущенко

профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, доцент,
Орловский юридический институт МВД (Россия)
e-mail: onmig@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы становления общественного правового сознания. Предпринимается попытка анализа основных тенденций этого процесса.*

***Ключевые слова:** религиозное и правовое сознание, гражданское общество, правовое государство, социальное государство.*

***Annotation.** This article discusses the problem of the formation of public legal consciousness in Russia. An attempt to analyze the main trends of the process.*

***Keywords:** religious consciousness of law, civil society, the rule of law, social state.*

Провозглашение на постсоветском пространстве политической задачи децентрализации управления, которая виделась в предоставлении максимального простора процессам саморегулирования и самоуправления в обществе, создании условий для полного развития инициативы граждан закономерно привели к увлечению идеями правового и социального государства. Во многом это стало обоснованием приватизации, появления новых видов собственности, трансформации права собственности. Последнее обстоятельство стало экономической основой разрушения «общности “советский народ”» и социалистического правосознания. Тем самым бывшее когда-то «централизованным» (коллективистским) правосознание советского народа стало «децентрализованным» (индивидуалистическим, неоднородным и т. д.). Отдельные современные исследователи рассматривают проявление неоднородности правосознания как признак его нахождения в переходном состоянии. В советской научной литературе неоднородность правосознания прочно связывалась с буржуазным обществом [1, с. 173]. Развитие данного явления идет по пути культивирования в идеологии национальных и религиозных идей. Более того, звучат требования: «Христианство должно стать государственной идеологией» [2, с. 312]. Однако нормальное становление буржуазного правосознания должно идти по пути к светскому пониманию мира. В то же время функционирование правосознания связывается с религиозным сознанием. Помимо этого, религиозному и националистическому сознанию определяется решающая роль в вытеснении социалистического правосознания и в формировании нового. Но формирование буржуазного правосознания с конца 1990-х годов замедлилось.

Явная религиозная составляющая официальной идеологии на фоне «невящих» достижений в других социальных сферах обращает правовое сознание к прошлому. Во многом благодаря этому по сравнению с советским обществом, нынешнее считают более справедливым 19 % опрошенных граждан России, менее справедливым — 57 %, таким же, как советское — 11 % [3, с. 639, 605].

Однако жители постсоветского пространства демонстрируют интересную и противоречивую оценку права частной собственности. В начале 1990-х годов был проведен опрос французских и российских школьников. Оценка частной собственности у русских респондентов ассоциировалась с понятиями «свобода», «лучше не придумаешь», а у французских — с понятиями «эгоизм», «противоположное солидарности», «не вызывает уважения» [4, с. 184, 185].

Тем самым французские школьники оценивали действительные функции частной собственности на средства производства (дальнейшая концентрация и централизация капитала, а тем самым экономическая и производная от нее политическая власть численно все уменьшающегося слоя монополистов), а российские школьники оценивали мнимые функции частной собственности (обеспечение распределения власти и децентрализацию в обществе и экономике; гарантирование равенства и свободы; самостоятельной ответственности и самостоятельного развития личности и другие). Как показывает практика, подобные радужные оценки права частной собственности сохраняются в российском общественном сознании и поныне. В то же время подавляющее большинство населения всего мира негативно оценивают роль олигархии в социально-экономических отношениях. Данное обстоятельство можно объяснить большой популярностью идей народного капитализма.

Теория народного капитализма возникла в разгар «холодной войны» и главной ее целью было ослабление социалистической идеологии. Одним из аспектов этой теории было доказательство того, что экономические отношения распределения благ несущественны, а с позиций юриспруденции собственность на средства производства и собственность на предметы потребления — понятия тождественные. Следовательно, национализация частной собственности (т. е. собственности на средства производства) автоматически приведет к потере гражданами и их личной собственности (собственности на средства потребления). Эта идея вызывает страх потерять «личную» собственность и приводит общественное правосознание к очередному противоречию. Этот страх подпитывает другие. Все страхи, которые переживает современное общество, выполняют одновременно разрушительную и стабилизирующую функции.

С одной стороны, страх является иррациональным состоянием, связанным с иррациональным характером любого крупномасштабного переходного периода. И в этом смысле становится главным источником невроза. А, по мне-

нию социологов, нормальным человеком современного общества является именно невротик. Утрата сознанием смысла жизни создает фрустрацию, ведущую к неврозам и различным социальным патологиям. В результате усиливается недоверие к субъектам-носителям правосознания, принадлежащим к иным социальным группам, растет агрессия в обществе.

С другой стороны, в условиях переходности социальной системы страх способствует ее стабилизации. Весьма эффективным средством становится борьба с врагами народа, террористами и другими недругами. Дело в том, что в ситуациях неуверенности (ложного знания) понятие «добро» связывается в большей степени с понятием «мы», а «недобро» — с понятием «они». В силу этого понятие «добро» и его противоположность теряют общепризнанность, наполняются случайным и неистинным, становятся в свою очередь также неопределенными. А жесткость реальной жизни диктует необходимость быстрого выбора, повышает неуверенность в своих силах и рождает новый страх. Под воздействием обострившегося конфликта добра и зла правовое сознание становится противоречивым. Таким образом, ослабление содержательной стороны правосознания приводит к размыванию целостности «Я» его носителя. А значит, субъект-носитель правосознания перестает мыслить себя субъектом права. В силу этого осознание и оценка своего нравственного облика становятся неистинными. Поэтому нарушается тождество мышления и воли, права и поступков.

Несмотря на вышесказанное, роль страха в жизни общества однозначно оценить сложно. Например, Освальд Шпенглер в своей книге «Закат Европы» указывал на страх как на величайшую созидательную силу. Другое дело, что такое состояние долго поддерживаться не может. По мере привыкания к страху, с одной стороны, и по мере прохождения периода нестабильности общества, с другой, страх перестает быть функциональным, мобиливающим.

Однако на данном этапе развития общества поддержание и культивирование социально полезного страха осуществляется успешно. Особую актуальность это приобретает в связи с тем, что социальное государство в форме государства всеобщего благоденствия переживает кризис. Возникнув в рамках «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта, оно просуществовало до гибели Советского Союза. В 1990-е годы начался процесс замены приоритетов. Борьба с ростом социального неравенства и укрепление социального государства больше не являются актуальными. В связи с этим следует признать, что реальная деятельность и российских органов государства в своих организационных формах «...осуществляется без учета положений ст. 7 Конституции РФ» [5, с. 15]. На смену социальному государству приходит государство «сети страхования» или «умеренное государство».

В государстве «сети страхования» нет места коллективизму. Этот факт сказывается на росте противоречий правосознания, а также ведет к снижению мотивации труда. По мнению профессора психологии Хоуп-колледжа штата Мичиган (США) Дэвида Майерса, при наличии трудной цели люди в коллективе меньше бездельничают, а когда считают других членов своей группы неспособными к такой работе, они работают интенсивнее. Примером могут служить израильские коммунальные киббуцы. В общем люди в коллективистских культурах проявляют меньше лени, чем в культурах индивидуалистских [6, с. 371].

Как представляется, обращение современного правосознания к идеалам советского прошлого есть защитная реакция против негативных проявлений формирующейся индивидуалистической культуры и, в частности, возрастающего социального паразитизма. Но одновременно с отрицанием ценностей индивидуалистической культуры растут настроения на поддержку курса исполнительной власти, в основу которого эти ценности и заложены. Это происходит на фоне низкого уровня доходов значительной части граждан. Здесь проявляется противоречивость и эклектичность современного правосознания, которые приводят к смешиванию разнородных понятий и употреблению их как однопорядковых.

Таким образом, для современного государства большую проблему представляет социалистическая правовая идеология. Но проблема «очищения» права от остатков правовой идеологии социалистического права не проста. Россия дважды за XX век радикально разрывала с юридическим традиционализмом: первый раз — в 1917 году и второй — в 1993 году. Но если в первом случае государственный аппарат формировался новыми кадрами, в основном не имевшими отношения к государственной службе в царское время и несостоявшими в проправительственных партиях, то во втором приток «новых» кадров оказался незначительным. Поэтому в первом случае старая юридическая традиция была преодолена относительно быстро. Более того, в 1920–1930-е годы этот процесс вышел за границы меры, что выразилось в огульном «охаивании» всех традиций и обычаев прошлого. Смогут ли современные постсоветские государства преодолеть подобные крайности? В настоящее же время юридическая традиция прежде всего в виде важных элементов социалистического правосознания проявляет себя в трех направлениях:

- «прямо препятствует становлению новых отношений и институтов;
- вынуждает государственную власть к разного рода компромиссам в реализации новой правовой ситуации;
- переходит в латентное состояние, таящее опасность рецидива» [7, с. 65, 60].

Как представляется, последствия юридического традиционализма в большей степени проявляются в компромиссном осуществлении функций государства в правовых формах. Реализация на практике формулы «демократического правового социального государства» оказалась более чем сложной. Ее реализация требует стабильной структуризации политических интересов различных социальных групп, политической культуры госаппарата, развитой экономики, прочного правопорядка и веры населения в справедливость общественных устоев.

На наш взгляд, структуризация «децентрализованного» правосознания должна начинаться с ответа на ряд вопросов. Действительно ли существует только одна модель гражданского общества и правового государства, основанная на принципе абсолютизации частной собственности, или могут иметь место и другие? С чего начинается гражданское общество: с создания класса собственников или с построения социального государства или с иного? Что понимать под социальным государством? Верно ли утверждение: «Социалистическое государство всегда социально, но социальное государство не всегда социалистическое»?

По нашему мнению, требуют корректировки взгляды на взаимодействие (соотношение) гражданского общества и правового государства. В основе таких взглядов должны лежать два убеждения. Первое состоит в том, что соотношение категорий гражданского общества и правового государства необходимо рассматривать только на пути их соотношения с третьей категорией — социальным государством. Второе убеждение должно заключаться в том, что существование правового государства в современном мире возможно только при развитом гражданском обществе, а гражданское общество в условиях отсутствия среднего класса формируется только в социальном государстве. Из этого вытекает непосредственная цель государства, осуществлять свою деятельность преимущественно в направлении реализации социальной функции. Тем самым активная социально-экономическая политика государства, направленная на повышение реального уровня материального благосостояния всего населения, является основной предпосылкой преодоления правового нигилизма в обществе и формирования социально-активного поведения граждан.

По нашему мнению, первый шаг на пути к построению социального государства и гражданского общества заключается в обоснованном ответе на вопрос о причинах отсутствия в современном законодательстве норм о прогрессивном подоходном налоге.

Следующим шагом может стать более внимательный взгляд на устоявшиеся понятия: право на жизнь, право на труд, право на медицинскую помощь и другие. Например, что такое право на жизнь? Это гарантия долголетней и ак-

тивной жизни граждан (Конституция СССР, 1977), или мораторий на смертную казнь (Конституция Российской Федерации, 1993), или применение смертной казни по приговору суда (Конституция Республики Беларусь, 1994)? Что такое право на труд? Это право на гарантированную работу или право на защиту от безработицы? И от чего должен быть свободен труд: от эксплуатации или от принуждения? Закономерен ли социальный паразитизм? Что такое право на охрану здоровья и медицинскую помощь? Это право на бесплатную квалифицированную медицинскую помощь, оказываемую государственными учреждениями здравоохранения, или право на бесплатную (неясно, какую) медицинскую помощь за счет средств соответствующего бюджета и страховых взносов?

До тех пор, пока не будет четких ответов на поставленные и другие вопросы, говорить о социально принимаемой государственной идеологии и правовой идеологии будет рано. И пока этот вопрос решен не будет, работа по правовому воспитанию и формированию правосознания не может стать целенаправленной, а потому и систематической, а правосознание будет оставаться «децентрализованным» со всеми негативными последствиями.

Список основных источников

1. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 187 с. [Вернуться к статье](#)
2. Величко, А. М. Философия русской государственности / А. М. Величко. – СПб. : Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2001. – 336 с. [Вернуться к статье](#)
3. Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / ред.-сост. Р. В. Рывкина. – М. : Референдум, 2003. – 672 с. [Вернуться к статье](#)
4. Курильски-Ожвэн. Образы права в России и Франции / Курильски-Ожвэн, М. Ю. Арутюнян, О. М. Здравомыслова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 215 с. [Вернуться к статье](#)
5. Воздействие глобализации на правовую систему России / С. В. Поленина [и др.] // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 5–15. [Вернуться к статье](#)
6. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – 6-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Питер, 2003. – 688 с. [Вернуться к статье](#)
7. Черниловский, З. М. Проблемы правовой и политической идеологии / З. М. Черниловский // Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. : сб. науч. тр. / ВЮЗИ ; отв. ред.: З. М. Черниловский, И. А. Исаев. – М., 1989. – 180 с. [Вернуться к статье](#)